

НАШИ ПЕРВЫЕ ДВА МЕСЯЦА

К 18 июня, нашей первой годовщине, накопилась куча воспоминаний. Возможно, будет длинновато, не всегда смешно, местами - несколько сумбурно и, возможно, неграмотно, но гарантирую – совершенно откровенно. Думаю, это будет не только интересно, но и полезно таким же простым смертным, как мы, решившимся стать приёмными родителями. Сегодня я вспоминаю наши первые два месяца дома.

Стук моего сердца слышен, наверное, за километр. Понимаю, что всё только начинается. Что все трудности первых дней достанутся мне...

Июнь 2010. Вот оно, счастье моё! Хотела двух малышей? Получила! И не жалуясь теперь, что тяжело. Настоящее счастье лёгким не бывает. Бабушек и нянь нет, в садик мы не ходим. Кружусь одна. Мой потрясающий муж помогает, как может, но кто-то должен ходить на работу...

Привезли мы домой Полинку-витаминку вечером, как уже упоминалось, восемнадцатого июня. Эмоции в тот день зашкаливали только у меня. Для остальных участников, похоже, происходящее было интересной игрой, не более...

Сын весело скачет на дорожке у Дома ребенка с криком: «У-я-я-я! Мы заблём сисьтёнку дамо-о-ой!» Для него Поля как живая кукла. Муж ободряюще говорит: «Ну, вот и всё, наконец-то ты мотаться перестанешь, все вместе заживём!» А я...

Одеваю Полюську в Доме ребенка и ... лёгкое потрясение. Не оттого, что на спине и попке достаточно выразительные синие «монгольские пятна». А оттого, что меня пытаются в последний раз НАПУГАТЬ и ОТГОВОРИТЬ. Нянечка разочарованно спрашивает: «Что, не испугались?» и добавляет с придыханием: «Вот, пятна-то страшные какие! Сразу понятно, от кого её мать родила! И пушистая вся!»

А я одеваю свою красавицу и приговариваю: «Пушистик ты мой сладкий!», затем с улыбочкой отвечаю няне: «Не испугалась!». «И зачем она вам такая?» - вздыхает сердобольная воспитательница. Как я устала от этих вопросов! Ну, как объяснить, что такая, какая есть, она - моя. Моя дочка. Вот когда женщины рожают, их не спрашивают, зачем.

В последний момент я обнаруживаю, что забыла туфельки для принцессы дома. Казус... Добрая няня открывает «закрома» и из пары десятков светленьких босоножек и тапочек выискивает для нас... насыщенно синие, вручает. С нежным персиковым нашим платком смотрится чудовищно, но берём, ибо детка подвижная, до прихода такси на руках не высидит. Не в колготках же ей скакать!..

Приезжаем домой. Некоторая моя нервозность электризует воздух в доме... Снимаемся вчетвером на камеру, на память. Садимся ужинать...

Первую неделю дома мы прожили прекрасно. Со своей стороны я была готова к трудностям режимного плана. Но их не оказалось. Основные режимные моменты и в Доме ребенка, и у нас дома с сыном совпадали, поэтому всё «устаканилось» в первые же дни. Дочь не капризничала, ела и пила всё, что ни предлагали, засыпала быстро и без слёз. Казалось, что адаптации не будет. Поля словно всегда жила с нами. Огорчало только одно: дочь по-прежнему воспринимала мужчин как врагов, с жутким страхом и ненавистью терпела отца только в моём присутствии. С папой наедине не оставалась: рыдала до истерик, звала меня. Мужу моему, добрейшему человеку, было даже как-то обидно, он не верил, что малышка станет другой.

Хотя, такое поведение дочки было объяснимо. Очевидно, она получила сильную психотравму в раннем возрасте, и вероятнее всего, от мужчины. Как жила она первые несколько месяцев своей жизни до сиротского дома, не знаю.

Вычитала из протокола изъятия, что в возрасте семи месяцев её доставили в больницу с сильными гематомами и следами побоев по всему телу...С какими чудовищами жила крошка! Что такого сделал грудной ребёнок, что его систематически избивали?.. Года в Доме Ребёнка с нормальными условиями и лечением было мало, чтобы полностью восстановить травмированную детскую психику. Хватит! Это всё в прошлом, это была не жизнь. Моя сильная малышка отогреется, расцветёт, я знаю...

Когда я вспоминаю прошлогодний июнь, проблемы, которые тогда возникали, уже не кажутся проблемами. Наверное, мы теперь немножко мудрее, немножко терпимее и терпеливее. Помню, как сначала меня сильно раздражало любопытство бабушек-соседей. Буквально каждой не терпелось узнать, почему я стала вдруг появляться с двумя детьми. С неизменной улыбкой на лице я спокойно (чего мне стоило это спокойствие тогда!) отвечала правду. Бабульки

поутихли, а потом и полюбили нашу озорную Апполинару, так же, как любили Тимошку.

Сегодня это кажется забавным. Слухи о том, что мы взяли ребёночка, продолжали ползти по микрорайону... Можно вспомнить пару забавных эпизодов. Первый. Качаю деток на качелях. Подходит старушка, подзывает меня: «Ты скажи, зачем же вы мальчонку-то брали? У вас такая славная дочка растёт!» Сообщаю ей, что как раз дочь – приёмная...Пожилая женщина в шоке, немая сцена.

Второй. Иду из магазина, детки дома с мужем. Наперерез знакомая: «Стой! Поговорить надо!» Рассказывает, что все её подруги спрашивают, откуда у нас второй куклёнок появился. «Одного же рожала!». Одна из них высказала, на мой взгляд, сумасшедшую версию, что Поля – моя добрачная дочь, и жила в области с бабушкой. А потом, мол, я замуж вышла, сынка родили, и муж разрешил дочку забрать. А то, что дети ровесники, и как я их рожала одновременно в разных местах, в голову никому не пришло...)

Теперь Поля повзрослела, более осознанными стали чувства ко мне. Но в их основе до сих пор – бесконечная вера в маму. Дочь иногда целует мне руки (всякий раз мне немного не по себе, не достойна я такого), и самое страшное для неё наказание, если она набедокурит – поссориться с мамой...

Да...знайте, если вы решили не делать тайны – получите сплетни, пока «общественность» не будет оповещена. А потом вас ждёт вторая волна распросов о «деньжищах, которые государство им на приёмыша платит». И это мы тоже «переварили». Особо любознательным называла сумму пособия и посылала... в опеку. За правдой. И ещё подальше посылала... в Дом ребёнка. Всех желающих «озолотиться»... (Аж на пять тысяч с копейками, за которые отчитываемся в опеке с чеками).

Что удивляло меня в Поле в первые дни?.. Какая-то необъяснимая, всепоглощающая преданность мне. В отношениях с сыном всё было иначе. Там Бог – он, моя любовь к нему. Здесь Всем для дочки была я, её любовь ко мне. Как шутил муж, если бы я сказала Польке: «Ешь землю» - она бы ела.

Что удивляло в Тимке? Желание быть всем вместе всегда. Отсутствие негативизма. Выходим гулять, Тимка восторженно кричит на весь двор: «Папа! Мама! Тимося! Полина!» В те дни он начал сочинять свои двустихья. Поэту был 1 год и 10 месяцев:

Хыраша лада-калина,
А у нас сестья Палина!
= = =

Апполинарья! Апполинарья!
Какая ты дивчонка азырная!

А в июле начался ад.
Температура воздуха

- выше сорока. Сплит работает только в одной комнате. У Поли – ветрянки. Врач: «Ой, просто зелёночкой помажете прыщики и всё».

Оказалось, это далеко не всё. У Поли температура тоже под 40, язвы на всех слизистых, на глазках, в промежности... Сначала дочь две недели болела, потом сын. У него всё проходило ещё тяжелей. Поля хоть ела, а Тим из-за язвочек во рту вообще не мог. Почти не спал: трудно было дышать – в носу сплошные язвы. Хотя я переболела ветрянкой в детстве, на ноги и у меня появилась пара язвочек, а потом и температура пошла вверх. Кошмар какой-то.

Сразу после ветрянки у сына тяжелейшая вирусная ангина... Он, недавно бросивший грудь, не отличающийся особым аппетитом товарищ, теперь даже отказывался пить. По капле вливала в него молоко и воду два дня. Потом стало чуть легче: выпаивала чайными ложками. Его глазки и плач по ночам помню до сих пор. Тимоша заработал невроз тогда.

И тогда же случились первые всплески шторма в море дочерней любви. Душераздирающие крики дочери во время первых конфликтов не хочу даже теперь вспоминать. И не могу забыть.

На все детские болезни и июльскую жару наложились адаптация. Моя. И Тимкина. И Полина. И папина. Фенибут – наш друг, товарищ и брат, но не панацея. Отвары трав не помогали, так же, как валерьянка. И я одна почти сутками боролась со всем этим. Иногда сдавали нервы. Срывалась, потом локти кусала. Нередко забывала днём поесть, зато ночью... наедалась шоколадом. Только после этого могла заснуть. За полтора месяца снова набрала лишний вес (удачно сброшенный во время посещения-оформления дочери). Плюс пятнадцать кг! В конце июля чувствую, что уже почти ничего не чувствую к дочери, к детям вообще, к себе, к жизни...

Моя адаптация своими щупальцами так порой в сердце впивалась... Казалось, не могу больше, не могу прощать и бороться сил нет. Даже иногда казалось, что я обманула дочку, взяв её. НУ НЕ ЕЁ я мама! Чужая, больная злом тётка... Сердце умирало. Только разум помогал.

Даже не чувствуя ничего к малышке, я знала, я твердила: «Пройдёт,

это адаптация, всё пройдет». Трудно было любить и жалеть, трудно сдерживать себя, когда, отвоёвывая место «под солнцем», дочь запросто могла ударить сына ногой в голову (это не метафора, это было) да и просто ударить в живот, бросить в лицо любому то, что попадет под руку. Причём делала она это походя, не из-за агрессии или ненависти к брату (его она зацеловывала-залюбливала с первых дней дома), а просто потому, что раньше, в другой жизни это было нормой.

Я по-новому вспоминала теперь характеристики воспитателей о дочери: «Она у нас в группе самая младшая, но дети чувствуют её превосходство, она – лидер». Трудно было любить Полю, когда она пакостила из любопытства, не хотела подчиняться в элементарных вещах. Да она просто бесила меня! Временами меня ослепляла ненависть. Ко всем и всему. Кричала, орала, хотелось ударить. Но вопрос мужа, не жалею ли я, что взяли Полю, был мне просто непонятен. Это ж МОЁ дитя! Как это - жалеть, что взяли? Пусть вредная, пусть «терпеть ненавижу», зато, своя, родная. Когда кончится адаптация?! И когда кончится эта сумасшедшая жара?!!

Мой самый лучший на свете муж всегда дарил и дарит мне такие островки. Как бы ни был он загружен работой тогда (и теперь), как бы

Что помогало мне не свихнуться от мыслей тогда? Кроме шоколада по ночам. Мне кажется, у любого задёрганного родителя в период адаптации должен быть островок пространства и времени только для себя. Просто посидеть, подумать, попить чайку, почитать конфу, помолиться, успокоиться.

ни уставал он, если возвращался домой до 21, забирал деток в комнату, изолировал меня от них на 20-30 минут. Это было моё время.

И что ещё помогало и помогает и сейчас – это концентрация на позитиве. Со мной всегда мой фотоаппарат. Даже в разгар адаптации были светлые и прекрасные моменты, которые я успевала запечатлеть, а затем просматривала по ночам. Умилялась, плакала, ругала себя и... восхищалась детьми, особенно дочкой.

Она с первых дней жизни дома приняла сразу всё и всех (кроме папы – в первый месяц): меня не только белую и пушистую, но недобрую и рычашую, братика-капризулю, не желающего уступить и сантиметра под маминым крылышком, новый режим дня и прочее... Конфликты быстро забывает, серьёзные обиды прощает за поцелуй, её отталкивают - она всё равно зла не держит и «Блюблю папу, люлю маму, сийна-сийна!»